

Тихоокеанская археология
Восемнадцатый выпуск

**МУСТЬЕ ЗАБАЙКАЛЯ,
ЗАГАДОЧНЫЕ ДОГУ
И ДРУГИЕ ДРЕВНОСТИ
ТИХООКЕАНСКИХ СТРАН**

Светлой памяти
Владимира Рафаиловича Кабо, выдающегося
палеоисторика, этнографа-австраловеда,
ветерана Отечественной войны
посвящается

Владивосток
2010

Тихоокеанская археология
Восемнадцатый выпуск

**МУСТЬЕ ЗАБАЙКАЛЯ,
ЗАГАДОЧНЫЕ ДОГУ
И ДРУГИЕ ДРЕВНОСТИ
ТИХООКЕАНСКИХ СТРАН**

Светлой памяти
Владимира Рафаиловича Кабо, выдающегося
палеоисторика, этнографа-австраловеда,
ветерана Отечественной войны
посвящается

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета
2010

ББК 63.4
М11

Ответственный редактор — профессор Д.Л.Бродянский

На обложке: Камчатка, Ушки I, слой VI: мамонт (камень)
На титуле: догу из Нумадзу

Мустье Забайкалья, загадочные догу и другие древности
М11 Тихоокеанских стран. — Владивосток: Изд-ство Дальне-
вост. ун-та. 2010. — 280 с., 102 илл.

18-ый выпуск «Тихоокеанской археологии» объединил рекордно большое число территорий и стран, чьи древности в нем представлены: Япония, Корея, Приморье, Забайкалье, Камчатка, Чукотка, о-в Кадьяк, Калифорния, Мезоамерика, Эквадор, Перу. Посвящен он крупнейшему исследователю Австралии — В.Р. Кабо.

М $\frac{0507000000}{180 (03) - 2010}$

© Д.Л. Бродянский, 2010
© Изд-во Дальневосточного
университета

ЖИЗНЬ И СУДЬБА В. КАБО

«Владимир Рафаилович — один из тех наших австраловедов, которые изучают аборигенную жизнь во всех ее подробностях, его можно пустить к аборигенам, и никто бы не отличил его от любого обитателя-аборигена».

Даниил Гранин. «Месяц вверх ногами»

7 февраля 2010 года исполнилось 85 лет со дня рождения и семь месяцев со дня смерти Владимира Рафаиловича Кабо — выдающегося отечественного австраловеда, исследователя законов развития первобытного общества, происхождения религии и ее роли в становлении человеческого общества, автора многочисленных монографий и статей.

В.Р. был удивительной, многогранной личностью, ценителем и знатоком литературы, искусств, меломаном, любителем путешествий, глубоким мыслителем. Сосредоточенный большую часть отпущенного ему судьбой времени на научных размышлениях, он производил на многих впечатление человека «не от мира сего», но не был таковым, и это открывалось тем, кто знал его лучше.

Я часто думаю о том, насколько беднее была бы моя жизнь, не повстречай я на своем жизненном пути Владимира Рафаиловича Кабо.

Это было в 60-е гг. минувшего века.

Окончив отделение китайской филологии восточного факультета Ленинградского университета, я поступила в аспирантуру Ленинградского Института этнографии АН СССР, некоторое время не имела постоянного рабочего места и очень обрадовалась, когда мне разрешили расположиться за столом австраловеда Юлии Михайловны Лихтенберг (по состоянию здоровья в то время редко появлявшейся в Институте, а вскоре

уехавшей в Таллин) в небольшой комнате с окном во двор на 3-м этаже здания, пристроенного в начале XX века к исторической Кунсткамере. За дверью комнаты, именовавшейся «кабинетом Австралии и Океании», был зал с экспозицией «Происхождение человека» и «Первобытное общество». В кабинете трудились «аборигены» — ленинградцы Н.А. Бутинов, Л.Г. Розина, Д.Д. Тумаркин. В 1957 г. к ним присоединился москвич В.Р. Кабо. Атмосфера царила творческая, дружелюбная, несмотря на периодически дававшие о себе знать различия во взглядах — на господствующую идеологию, на общественный строй, несмотря на различия жизненных установок некоторых членов этого небольшого коллектива.

Между мною и В.Р. установились — и сохранялись до самой его кончины — дружеские доверительные отношения. Он посвятил меня в историю своей предшествующей жизни, Он оказался единственным в моем «окружении» человеком, который рассказывал о сталинских лагерях не то, что вычитал в воспоминаниях их узников, а то, что лично пережил как политзаключенный. И это было в годы, когда мрачную правду об этом полагалось скрывать

Меня поражало то, что после выпавших на его долю испытаний, В.Р. не выглядел подавленным, досмерти испуганным перспективой вновь оказаться в смиренной рубашке — он был ироничен, в нем жил бунтарь, отвергавший попытки унижить его человеческое достоинство, принудить его мозг не реагировать на иррациональное, заставить его молча принимать то, что он принять не мог.

В.Р. был значительной фигурой в отечественной этнографической науке, и при жизни его имя попало в две энциклопедии [Милюбинд 1975: 233-234; Люди и судьбы 2003: 187]. Отмечая 70-летие уже находившегося в Австралии В.Р. Кабо, о нем писал А.М. Решетов [Решетов 1995: 238-243]. На его смерть откликнулись некрологами — в Москве в «Этнографическом обозрении» его ученица О.Ю. Артемова и в Петербурге на сайте журнала «Антропологический форум» автор этих строк.

То, что я расскажу о В.Р., почерпнуто из этих источников, из моих воспоминаний о почти 20 годах совместной работы в Ленчасти Института этнографии и о последующих встречах в Москве и Ленинграде-Петербурге, а также из автобиографической книги ученого «Дорога в Австралию» [Кабо 2008], открывшей для меня не только ранее неизвестные факты из его жизни, но и новые глубины его сознания, и из книги «Впереди огни» с предисловием, написанным самим Владимиром Рафаиловичем [Кабо 2006б]

В.Р. появился на свет 7 февраля 1925 г. в Москве. Ему очень «повезло» с родителями, он гордился ими и был удивительно почтительным и любящим сыном. Отец — Рафаил Михайлович Кабо (1886-1957) был географом, профессором МГУ и Московского пединститута, автором исследования «Очерки истории и экономики Тувы», эрудитом. Мать Елена Осиповна (1888-1968) — кандидат экономических наук, автор книги «Очерки рабочего быта», причастная к закладыванию основ советской статистики, широко образованная и душевно тонкая, была главным человеком в жизни В.Р. (Пройдут годы, и в 1964 г. он напишет с Еленой Осиповной статью «Методологическая роль статистического метода в этнографических исследованиях», которую опубликует журнал «Вопросы философии»). Я помню летний день 1968 года, когда вахтер нашего Института передала пришедшему на работу Владимиру Рафаиловичу телеграмму из Москвы с извещением о смерти Елены Осиповны. В.Р. трепетно относился к памяти о родителях и спустя многие годы после их ухода из жизни осуществил свою давнюю мечту — в 2006 году издал книгу воспоминаний родителей — «Впереди огни», интересный документ пережитой эпохи и свидетельство писательской одаренности авторов, переданной «в наследство» и дочери (старшая сестра Владимира Рафаиловича Любовь Кабо стала известным писателем), и сыну, проявившему незаурядный литературный дар и в научных сочинениях, и в мемуарах.

В предисловии к книге В.Р. пишет: «Перед нами — воспоминания двух людей, двух свидетелей одной из величайших,

ном человеке как дожившем до наших дней неандертальце), С.П. Толстов, М.О. Косвен, А.В. Арциховский.

Плавное течение студенческой жизни было нарушено летом 1949 г. Во время археологической экспедиции В.Р. спел у костра песенку, как он сам пишет, «о пионере и разбойнике». Один из студентов, присутствовавших на этом самодеятельном «концерте», написал донос на исполнителя крамольного фольклорного произведения, и в скором времени перед В.Р. раскрылись ворота Лефортовской тюрьмы, а затем и барака Каргопольского лагеря, где по приговору ему надлежало находиться 10 лет, но где в связи с амнистией, последовавшей за смертью И.В. Сталина, он провел половину этого срока.

Рассказ об этих годах в книге «Дорога в Австралию» производит сильное впечатление. В.Р. попал в поселок Ерцево Архангельской области — центр Каргопольлага. Сорок лет назад недалеко от этих мест в Пинеге жили в ссылке его родители. Он писал: «История повторилась, и поколение детей вернулось туда же, куда когда-то ссылали родителей. Различие состояло только в том, что родители жили в сравнительно либеральной царской ссылке, а дети — в концлагере, за колючей проволокой, под дулами автоматов. Да еще в том, что родители были сосланы за настоящую, не придуманную следователями революционную деятельность и сознавали это, а дети — часто просто за неосторожно сказанное в присутствии профессиональных провокаторов и добровольных стукачей слово» [Кабо 2008: 165].

Приезды матери на свидания и постоянные письма из дома поддерживали дух узника. Родители делились с сыном собственным опытом пребывания в тюрьмах и ссылках. И он следовал их мудрым наставлениям — не терять надежды и непрерывно вести умственную работу.

Как человек «грамотный», после пребывания в тюрьмах и работы на лесоповале, он приобрел со временем положение нормировщика и экономиста-статистика, и после ежедневного подведения итогов рабочего дня на лесоповале ночами погружался в чтение. Прочитал всю Библию (ее дал ему Иван Ми-

хайлович Крестьянкин, до ареста — священник одного из московских православных храмов, спустя много лет — архимандрит Псково-Печерского монастыря). Успел освоить целую библиотеку присланных родными классических трудов по этнографии — Моргана и Тэйлора, Фрэзера и Леви-Брюля, Те Ранги Хироа и Элькина об аборигенах Австралии и др. Увлеченный прочитанным, «зэк Кабо» приходит к выводу и сообщает об этом в письме отцу: «Первобытная история и этнология заслуживают того, чтобы посвятить им свою жизнь. Меня интересует происхождение духовной культуры, как «на грани животного и человеческого» возникла она, какие были первые формы ее проявления». Он размышлял о появлении «человеческого» в оторвавшихся от животного мира первобытных людях, о появлении религии. Наблюдал за поведением людей за колючей проволокой, за порядками, устанавливаемыми уголовниками, видел в этом отражение жестоких нравов далеких предков человечества. Позднее, уже на воле, он напишет в одной из своих работ: «Мне была предоставлена возможность изучать лагерное общество оптимальным способом «погружения» в него — подобно тому, как изучает какое-нибудь африканское или океанийское племя этнолог, живущий в нем непрерывно несколько лет, завоевавший доверие туземцев и принятый в племя» [Кабо 2006 а: 45].

Удивительное впечатление производят письма Владимира Рафаиловича домой «из неволи»: «Жить мне интересно. Здесь собрались самые блестящие умы советской столицы. Никогда бы не встретил я на свободе такого разнообразия человеческих типов. Недавно, перелистывая «Воскресение» Толстого, я встретил такие слова: “Единственное приличествующее место для честного человека в России есть тюрьма»» [Кабо 2008].

А Елена Осиповна, после одного из свиданий с сыном в сентябре 1953 г. писала ему: «В твоём лице я видела человека, не разбитого четырехлетним заключением, бодрого, ищущего, взволнованного, горящего желанием подыматься все выше и выше по пути научного мышления и личной морали...Тюрьма развращает слабых и закаляет сильных» [Кабо 2008: 191].

После смерти Сталина, в 1954 г. В.Р. Кабо был освобожден, а в 1956 году реабилитирован. Усилием воли, пять лет преодолевая ужасы лагерной жизни, признавался: «На воле, и уже всю оставшуюся жизнь мне будет сниться лагерь, из него не будет выхода, будет острое ощущение потери свободы, потери новой, непоправимой, по своей вине, и уже навсегда». [Кабо 2008: 65].

В.Р. поступил на 4-й курс исторического факультета МГУ.

Со студенческих лет В.Р. была свойственна глубина и основательность в разработке любой научной темы, он не расстанется с ней, пока не доведет до должного уровня. В 1955 году он пишет курсовую работу о байнингах (и завоевывает премию на конкурсе студенческих работ), а в 1964 г. в издании РГО «Страны и народы Востока» появится доработанная статья об этом океанийском народе [Кабо 1964]. Незадолго до кончины, находясь в хосписе, В.Р. узнал, что ухаживающая за ним медсестра — папуаска из племени, живущего по соседству с байнингами, ей было, что поведать умирающему ученому, и он очень этому обрадовался (рассказ Е. Говор).

Выбрав в качестве темы дипломной работы по совету своего научного руководителя С.А. Токарева описание коллекции по австралийцам, собранной в 1903 году в Австралии А.Л. Яценко, В.Р. отправился в Ленинград в МАЭ, где эта коллекция хранится, и выполнил свою задачу не только на оценку 5+, но и заслужил заключения о сделанном им «существенном вкладе в науку». Этой работе также было суждено вскоре появиться в научном издании [Кабо 1960]. А пространная опись коллекции, написанная аккуратным почерком Владимира Рафаиловича, хранится в музее.

В 1956 г. В. Кабо окончил МГУ, а уже в следующем году получил приглашение на работу от руководителя Ленчасти ИЭ АН СССР Л.П. Потапова. На службу В.Р. ездил из Царского Села, где снимал квартиру, пока не появилась собственная «резиденция» в Ленинграде на улице Орбели. Появилась семья — жена Валентина и дочь, названная в честь бабушки Еленой.

Придя в Институт, В.Р. подолгу засиживался в кабинете Австралии и Океании за своим столом с зеленой старинной лам-

пой — писал работу о каменных орудиях австралийцев. По словам В.Р.: «К теме работы я подошел нетрадиционно. Я хотел не только рассказать о каменных орудиях, но и показать их роль и место в общественной жизни и духовной культуре аборигенов Австралии. Поэтому после первых глав, посвященных классификации орудий, их изготовлению и значению в хозяйстве, в моей работе шли главы о роли орудий в жизни общества — в разделении труда, в обмене, в отношениях собственности и, наконец, в искусстве, в религии и мифологии. Так о каменных орудиях первобытного общества еще никто не писал» [Кабо 2004: 181-182]. В 1962 г. он блестяще защитил эту работу в Институте археологии, оппонентами были М.С. Бутинова и П.И. Борисковский.

По совету коллег — Н.А. Бутинова и Д.Д. Тумаркина, остепененный ученый решил продолжить исследование каменных орудий аборигенов уже не по этнографическим, а по археологическим материалам и использовать их как источник для решения проблем их этногенеза. Глубоко и всесторонне вникнув в огромный материал, накопившийся в археологии, антропологии, этнографии, языкознании, геологии, исследовав памятники искусства, созданные аборигенами и т.д., изучив все гипотезы и заключения, родившиеся в головах ученых, В.Р. написал монументальную работу «Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии», в которой реконструировал историю аборигенов Австралии на протяжении нескольких десятков тысяч лет. В то время данные абсолютной хронологии, основанные на радиоуглеродном анализе археологических находок, свидетельствовали о том, что заселение Австралии человеком началось не менее 30 тысяч лет назад. Комментируя эту хронологию, справедливую на время издания книги (1969 год) в своих мемуарах, В.Р. отметил, что последующие открытия показали, что люди обитали на севере Австралии около 60 тысяч лет назад [Кабо 2008: 217].

Этот труд В.Р. Кабо был одной из первых попыток в научной литературе воссоздать историю аборигенов всего континента от его заселения до европейской колонизации. На него благожелательно откликнулся в австралийском журна-

ле «Oceania» лингвист Капелл, а также аборигены Австралии. В 1970 г. в Москве Владимир Рафанлович защитил опубликованную книгу как докторскую диссертацию.

В 1975 г. вышла вторая его монография «Тасманийцы и тасманийская проблема», посвященная происхождению коренного населения Тасмании, доказательству того, что тасманийцы являются ветвью австралийцев. В этой книге В.Р. Кабо сформулировал мысль о значении общины в жизни первобытных охотников — как основной производственной и социальной ячейки этого общества. В 1978 г. Президиум АН присудил В.Р. Кабо премию имени Н.Н. Миклухо-Маклая за две эти книги.

В это время В.Р. с дочерью уже переехал в Москву (после смерти жены его потянуло в родной город, где были близкие люди) и работал в Институте этнографии АН СССР. Важный этап научного творчества ученого, начавшийся в ленинградский период его творческой деятельности, был связан с исследованием роли общины на раннем этапе развития человеческого общества. В 1968 году он принял участие в изданном благодаря кипучей энергии историка Л.В. Данилиной по результатам работы известного своим вольным духом методологического семинара в Институте всеобщей истории сборнике «Проблемы истории докапиталистических обществ», где была опубликована его статья «Первобытная община охотников и собирателей».

Побывав на Сахалине у нивхов, В.Р. написал статью о роде и общине у нивхов [Кабо 1981].

В 1986 г. вышла в свет монография В.Р. Кабо «Первобытная доземледельческая община». В этой книге обобщен громадный материал по охотникам и собирателям Тасмании, Австралии, Южной Азии, Африки, Северной и Южной Америки, отдельная глава посвящена древнему каменному веку. По мысли ученого, всестороннее изучение этнографических данных о современных охотниках и собирателях позволяет пролить свет на культуру и социально-экономические отношения в каменном веке — в эпоху палеолита, мезолита и раннего, доземледельческого неолита. В.Р. Кабо убедительно показывает, что не только у всех современных народов, занимающихся охотой и соби-

рательством, универсальной ячейкой общественной структуры является община, но и археологические материалы позволяют говорить о том, что аналогичную роль община играла и в глубокой древности. «Универсальность общинной организации на этом уровне развития общества, — писал В.Р. Кабо, — связана с жизненной необходимостью ее для общества в целом (его сохранения и стабильности в сложных естественных условиях) и для каждого члена в отдельности. Техническая вооруженность общества слишком низка, а зависимость от природных условия слишком велика для того, чтобы человек мог вести борьбу за существование, не объединяясь с другими людьми... Таким образом, община в условиях первобытного общества является оптимальной формой социальной адаптации, позволившей человеческому обществу сохраниться и освоить почти все экологические зоны земного шара» [Кабо 1986:4-5].

В.Р. Кабо предложил выделить два типа родовой доземледельческой общины: 1) локально-родовая община, основанная на локализованном роде, 2) родовая гетерогенная община, состоящая из представителей нескольких нелокализованных родов [Кабо 1986: 270].

Казалось бы, научная карьера В.Р. Кабо складывается благополучно — творческая мысль не затухает, не совсем гладко проходит принятие его произведений к печати, но фактически опубликованных в годы его ленинградского «служения» науке работ, немало. Но угнетало состояние неудовлетворенности, вызванное несоответствием научных достижений и стремления к полевой работе среди исследуемых народов, общения с представителями мировой науки — и положением человека, которому нельзя позволить пересечь государственную границу.

Многое «упиралось» в недозволенное вольнодумство.

В 60-е годы минувшего века Н.А. Бутинов и В.Р. Кабо именовались в «официальных кругах» «ленинградскими оппозиционерами». Суть оппозиции заключалась в стремлении творчески развивать марксистскую науку об обществе [Кабо 2004: 188], в теоретических разногласиях с догматически мыслящим начальством.

Трудно было ученым, занимавшимся изучением первобытности, прекрасно знавшим, как много новых фактов накопилось в мировой науке, фактов, неизвестных Ф. Энгельсу, написавшему свой труд «Происхождение семьи, частной собственности и государства», согласиться с не считавшимся с этим обстоятельством «Главным Этнографом» — директором Института этнографии С.П. Толстовым, в «Вопросах истории» высказавшимся по принципиальным вопросам первобытнообщинного строя и настаивавшим на универсальности и первичности материнско-родового строя. А т.к. австралийский материал этого не подтверждает, основной их производственный коллектив — локальные группы — организованы по совсем иному принципу, Толстов объявил их новообразованием, возникшим под воздействием колонизации [Кабо 2004: 187].

Основной удар по идеологическим еретикам, нанесенный четырьмя «столпами теоретической мысли московской части нашего института» [Кабо 2004: 189], опубликовавшими разгромную статью в главном этнографическом журнале

[Советская этнография 1963], принял на себя Н.А. Бутинов, но критические стрелы летели и в сторону его единомышленника и союзника В.Р. Кабо. Ответ на грозные и вздорные нападки москвичей, был сразу же написан «обвиняемыми», но в «Советской этнографии» опубликован был лишь через два года, когда произошли какие-то перемены в позиции руководства института.

А тем временем, во имя «единого фронта», которым должны были выступить советские этнографы перед мировым научным сообществом на VII МКАЭН в Москве в 1964 г., Н.А. Бутинову было запрещено ехать на конгресс. В.Р. Кабо эта кара миновала. Но его не пускали на зарубежные конгрессы. Я слушала выступление участника Тихоокеанского конгресса, проходившего в 1966 г. в Токио, археолога П.И. Борисковского, рассказавшего, что австралийские ученые, которых он там встретил, чуть ли не «в голос плакали», узнав, что В.Р. Кабо на конгрессе не будет. Утешая себя, в одном из посланий матери — Елене Осиповне, Владимир Рафаилович пи-

сал: «Мне очень нравится афоризм Расула Гамзатова «Умный, сидя в своем кабинете, увидит больше, чем дурак, совершивший кругосветное путешествие»». [Кабо 2004: 194].

Но заглушить в душе обиду на то, что в очередной раз, формируя отправляющийся в зарубежную научную поездку коллектив, о нем «забывают», при всем своем высоком философском настрое В.Р. не мог.

Когда в 1970 году на Новую Гвинею и в Океанию отправилась экспедиция АН, в которой приняли участие московские и ленинградские этнографы (в т.ч. весьма далекие от австраловедения и океанистики), В.Р. Кабо среди приглашенных не было. С грустью и горечью объяснял он тот факт, что не был включен в число «выездных» ученых, отсутствием безукоризненной анкеты: непростительным в те годы считалось (несмотря на реабилитацию) лагерное прошлое, пресловутый «пятый пункт», инкриминируемые ему неортодоксальность взглядов, протаскивание в своих работах идей реакционных буржуазных ученых, а также то, что он осмелился публично разоблачить секретного сотрудника органов госбезопасности (того самого «друга», из-за доноса которого попал в лагерь). «Грехов», чтобы начальство смотрело на такого сотрудника косо, хватало.

Н.А. Бутинову и В.Р. Кабо, слывшим научными инакомыслящими, противостояла «тяжелая артиллерия» из московских ортодоксов, усиленная Ю.И. Семеновым, автором нашумевшей книги «Возникновение человеческого общества», о которой В.Р. Кабо говорил как о созданной по классической схеме — с первобытным человеческим стадом и матриархатом, и многих других произведений. Признавая эрудицию и плодovitость этого автора, Владимир Рафаиловича квалифицировал книги Ю.И. Семенова по существу как фантастические романы из первобытной жизни в эффектной наукообразной форме. «Промискуитет, беспорядочные половые связи, бурные оргии коллективных жен и мужей — как только сумел он узнать все это?», — удивлялся он, сокрушаясь по поводу того, что в конце 80-х годов XX века в сфере концептуальных построений советская история первобытности все еще вращалась в кругу

понятий столетней давности. Свой собственный вклад в отечественную науку В.Р. Кабо видел в борьбе против научного мифотворчества, в восстановлении доверия к этнографическому факту, в стремлении реабилитировать историю первобытного общества как науку [Кабо 2008: 227, 267].

Не заслуживавший, несмотря на высокие научный достижения, поощрения в виде заграничных командировок, Владимир Рафаилович ездил в социалистические страны по «частным приглашениям» западных этнографов — Петра Скальника — в Чехословакию, Фредерика Роуза — в ГДР, Вольфганга Кенига в Лейпциг, Габора Вардяша в Венгрию. Побывал туристом в Монголии. Но в Югославию по турпутевке — не пустили...

С 80-х годов прошлого века на заключительном этапе творчества В.Р. Кабо сосредоточивается на изучении происхождения и развития ранних форм религиозных верований. Его цель — подняться от социально-экономического фундамента первобытного общества к вершинам его духовной жизни. Но в среде коллег он не встречал полного понимания. Его статьи о тотемизме и фетишизме появились в выпуске «Религиозные верования» в издаваемой Институтом этнографии в Москве серии «Свод этнографических понятий и терминов». Но главные работы В.Р. Кабо по этой проблематике вышли уже после его отъезда в Австралию, где в 2002 г. он издал две книги — «Происхождение религии. История проблемы» и «Ванджина и икона. Искусство аборигенов Австралии и русская иконопись», а в 2006 г. — собрание эссе «Вечное настоящее» — о роли древних архетипов в формировании сознания и поведения людей на протяжении истории. Начатая еще в России и дописанная в Австралии книга «Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности», основная часть которой посвящена реконструкции первобытного религиозного сознания, была опубликована в 2007 году в Москве издательством «Восточная литература».

Все свои новые сочинения В.Р. Кабо передавал в библиотеку петербургского Музея антропологии и этнографии РАН (как стал называться Институт этнографии в Петербурге после обретения автономии в 1992 году) и Института этнологии

и антропологии в Москве. Их еще предстоит по достоинству оценить отечественным ученым.

В.Р. Кабо, по его собственному признанию, довелось прожить не одну, а несколько жизней, и у каждой был свой смысл — детство, война, лагерь со студенческой жизнью до него и после него, ленинградская «ссылка», снова — жизнь в Москве, и, наконец, неожиданный финал — переселение в Австралию. Ученому, занимающемуся этнографией аборигенов Австралии, естественно стремиться к встрече с изучаемым народом, к погружению в стихию его жизни и культуры. И В.Р. мечтал об этом 33 года (с той поры, когда оформилось направление его научной работы, а это произошло в 1957 году). И мечте этой было суждено сбыться. И помогло этому еще одно счастливое обстоятельство — женитьба в 1983 году на Лене Говор, девушке из Минска, влюбленной в Австралию не меньше, чем он сам. Она издала в России каталоги всех работ на русском языке об Австралии и Океании за 200 лет, и В.Р., один из самых интересных авторов, писавших об Австралии, был ее кумиром.

В 1990 г. по приглашению Института по изучению аборигенов В.Р. Кабо с молодой женой отправились в Австралию. А потом Елена получила место в аспирантуре Австралийского Национального университета, и супруги остались в Австралии. В 1992 году у них родился сын, названный в честь деда Рафаилом. В 1997 году они получили австралийское гражданство.

Е. Говор успешно продолжила научное творчество в Австралии, прославилась книгой «Мой темнокожий брат» и другими солидными публикациями. То, что такая понимающая Владимира Рафаиловича умная заботливая женщина, мать его позднего сына, была рядом с ним, сыграло в этот период громадную роль — она была его Музой, и его не покидало творческое вдохновение.

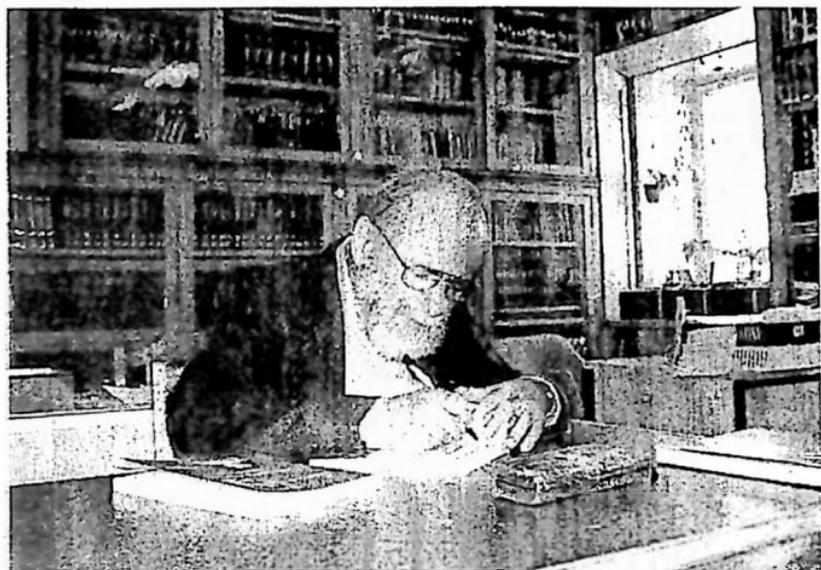
После смерти мужа Елена писала о нем в русской газете «Единение»: «Австралия, ее люди, природа, история и культура стали для Владимира Кабо домом. Здесь он посадил дерево и вырастил сына. Здесь он был счастлив». Она сообщила, что последней темой, которую разрабатывал В.Р., уже будучи тяжело больным,

стало «Этническое христианство как историко-этнологическая проблема» и заверила читателей, что этот очерк будет опубликован в «Австралийской мозаике» Татьяны Торлиной.

Владимир Рафаилович после 1990 года один раз приезжал в Россию — с Леной и Ральфи — в 2007 году. Они были в моем доме на Гагаринской улице, а потом приходили в тот кабинет Австралии и Океании в Кунсткамере, где В.Р. провел 20 лет своей жизни, за которые успел сделать так много. Собрались старые друзья, мы пили чай и беседовали обо всем на свете. Это была последняя встреча с ним. Его голос по телефону я слышала незадолго до его кончины, его прощальными словами было признание в любви. Я восприняла эти слова как относящиеся ко всему, что ему было дорого в России.

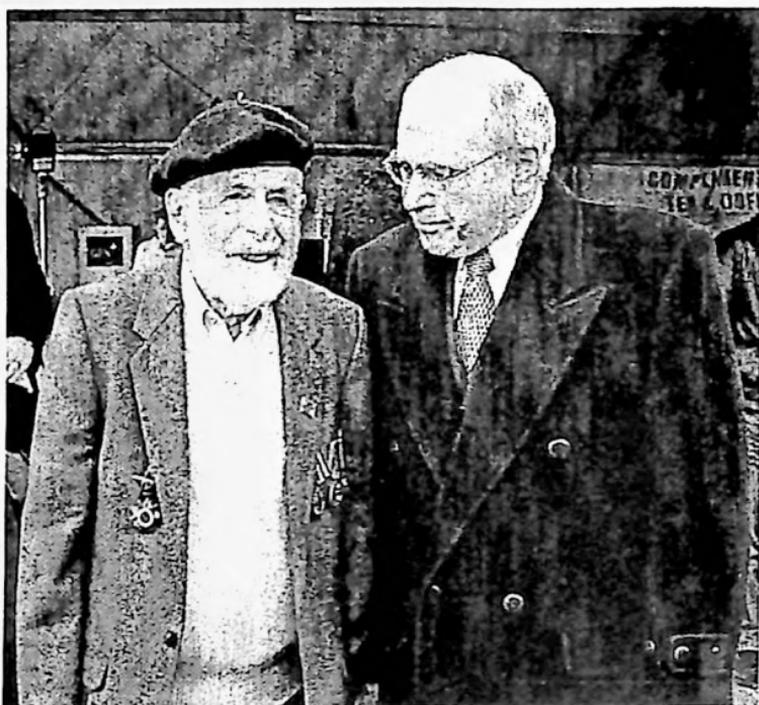
В.Р. Кабо. Шопрон, Венгрия. Послевоенное лето 1945 г.

В.Р. Кабо в своем рабочем кабинете в Канберре

Абориген и В.Р. Кабо

В.Р. Кабо с премьер-министром Австралийского Союза Дж. Говардом на встрече ветеранов по случаю 60-летия окончания Второй мировой войны. Канберра, 15 августа 2005 г.

Библиография

Иванова КВ. В.Р. Кабо (1925 — 2009) // Антропологический форум. № 12. 2010. Online

Кабо В.Р. Описание австралийской коллекции А.Л.Ященко в Музее антропологии и этнографии // Сборник МАЭ. Т. 19. Л., 1960. С. 111-167

Кабо В.Р. Байнинги — примитивные земледельцы Океании (Этнографический очерк) // Страны и народы Востока: География, этнография, история. Вып.3. М., 1964. С. 42-68

Кабо В.Р. Община и род у нивхов // Пути развития Австралии и Океании. М., 1981. С. 198-213

Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986

Кабо В.Р. Ванджина и икона. Искусство аборигенов Австралии и русская иконопись. Канберра, 2002

Кабо В.Р. Письма издалека // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб., 2004. С. 181-195

Кабо В.Р. Тюрьма и общество: архетипы социального поведения // Вечное настоящее. Канберра, 2006 а¹

Кабо В.Р. Предисловие // Впереди огни. Канберра, 2006 б

Кабо Е.О., Кабо В.Р. Круг и крест. Размышления о первобытной духовности. М., Изд-во «Восточная литература», 2007.

Кабо В.Р. Дорога в Австралию, М., Изд-во «Восточная литература», 2008.

Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период. 1917-1991. СПб., 2003.

Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. Москва. 1975.

Решетов А.М. В.Р. Кабо (К 70-летию со дня рождения) // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1995. Вып.7. С. 238-243

Советская этнография. 1963. № 3.

Список основных работ доктора исторических наук В.Р. Кабо (к 60-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1985. № 4. С. 121-124 .

Об авторе:

Иванова Елена Владимировна. Ведущий научный сотрудник Отдела Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН Доктор исторических наук.

¹ В 1991 г. эта работа была опубликована в журнале «Canberra Anthropology»